

**ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЗАЦИИ ГОРОДСКОГО МИФА
«МЫ ИЗ ЕЛЬЦА» В УСЛОВИЯХ ПРОВЕДЕНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ
КАМПАНИИ (НА ПРИМЕРЕ ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ)**

СКИПЕРСКИХ Александр Владимирович, доктор политических наук, доцент, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, профессор кафедры философии и социальных наук, адрес: 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28, e-mail: pisatels@mail.ru

Author ID (РИНЦ): 436869

Аннотация. *Цель работы* – представить, как концепт «Мы из Ельца» присутствует в политических практиках власти в период избирательной кампании. *Методология исследования.* Эмпирической базой статьи являются материалы кампании 11 сентября 2022 года по выборам в городской совет Ельца Липецкой области. Уникальность этой кампании состоит в попытке апелляции власти к городской идентичности кандидатов от «Единой России».

В результате автор пришёл к следующему выводу: власть, используя концепт «мы из Ельца», проводила кампанию по собственной легитимации. Однако такую деятельность сложно оценить с точки зрения эффективности. С одной стороны, власть добилась определённого результата, позволяющего контролировать большинство парламентских мест. Но, с другой стороны, в ряде округов власти не удалось провести своих кандидатов, используя патриотическую мифологию. Задействование в политической агитации этой мифологии и другими политическими силами (КПРФ и ЛДПР) подтверждает аргументацию автора: полностью контролировать городской политический дискурс только с помощью концепта «Мы из Ельца» не представляется возможным.

Ключевые слова: власть, дискурс, Елец, легитимность, легитимация, ресурсы власти, городской миф.

Цит.: Скиперских А.В. Особенности политизации городского мифа «Мы из Ельца» в условиях проведения электоральной кампании (на примере Липецкой области) // Среднерусский вестник общественных наук. – 2022. – Том 17. – № 6. – С. 48–66.

***FEATURES OF THE POLITICIZATION OF THE URBAN MYTH
"WE ARE FROM YELETS" IN THE CONDITIONS OF THE ELECTORAL
CAMPAIGN (ON THE EXAMPLE OF THE LIPETSK REGION)***

SKIPERSKIKH A. V., Doctor of Political Science, Professor of Philosophy and Social Science Department, Bunin Yelets State University (Russian Federation, Yelets), e-mail: pisatels@mail.ru

Abstract. In the article, the author gives an example of the politicization of the urban myth. In accordance with the hypothesis, the author believes that in the interests of their own legitimation, the authorities seek to control meanings and memory. And it is the myth that holds the city identity together. The empirical base of the article is the materials of the campaign on September 11, 2022 for the elections to the city council of Yelets, Lipetsk region. The uniqueness of this campaign lies in the attempt of the authorities to appeal to the urban identity of the United Russia candidates. Purpose of the work: to present how the concept of "We are from Yelets" is present in the political practice of the authorities during the election campaign. Research methodology: sociological method, case-study method, which allowed the author to note both general and specific features of the past electoral campaign. As a result, the author came to the following conclusion, the authorities, using the concept of "We are from Yelets" conducted a campaign for their own legitimation. However, such activities are difficult to assess in terms of efficiency. On the one hand, the authorities have achieved a certain result, allowing them to control the majority of parliamentary seats. But on the other hand, in a number of constituencies the authorities failed to win their candidates over using patriotic mythology. The involvement of this mythology in political agitation by other political forces (KPRF and LDPR) confirms the author's argument: it is not possible to completely control urban political discourse only with the help of the concept "We are from Yelets".

Keywords: power, discourse, Yelets, legitimacy, legitimation, power resources, urban myth.

For citations: *Skiperskikh, A.V. (2022) Features of the politicization of the urban myth "We are from Yelets" in the conditions of the electoral campaign (on the example of the Lipetsk region) // Central Russian Journal of Social Sciences. –Volume 17, Issue 6. – P.48–66.*

ВВЕДЕНИЕ

В данной статье рассматривается пример политизации городского мифа. В соответствии с гипотезой автор полагает, что в интересах собственной легитимации власть стремится контролировать смыслы и память. И именно миф скрепляет городскую идентичность.

Власть всегда претендует на всеохватный контроль пространства, в котором она представляет себя. Контролю подвержены все компоненты политического процесса: акторы, институты, ресурсы, коммуникации и нормы. Равно как и элементы «твёрдой», то есть осязаемой, политики, власть контролирует ещё и «мягкие» элементы – своеобразный *soft*, к которому принадлежат символы и знаки, идеологии, смыслы и мифы. Нет никаких сомнений, что «мягкое» политическое пространство контролировать сложнее, ведь именно оно может выступать источником проблем и неопределённостей. В отличие от объектов материальной культуры, а именно зданий, территорий и собственности, городской среды, иерархий и трансмиссий власти, выступающих «твёрдым» телом власти, «мягкое» пространство выступает более абстрактным и неуловимым. Оно может принадлежать каждому, равно как и никому одновременно. В данном смысле это очень расстраивает власть, всегда и во всём претендующую на всеохватный контроль.

В настоящей статье мы рассмотрим, как конструируются городские мифы и как они могут использоваться в качестве политического инструмента. В качестве поля для исследования нами выбран г. Елец Липецкой области, где политические процессы давно находятся в фокусе авторского внимания. Нас интересует словосочетание «Мы из Ельца», выступающее концептом, вокруг которого формируется городская политика в текущем политическом и электоральном цикле. Как мы заметим, данный концепт достаточно легко инструментализируется в локальной политике и, в принципе, легитимируется общественностью в интересах власти. Как раз именно он используется в выборах в городской совет депутатов 11 сентября 2022 года.

Как отмечал теоретик мифа А. Лосев, существующая реальность может быть «представлена и изображена бесконечно разнообразными формами» [12, С. 88]. Исходя из этого, можно иметь исходные данные – избирательную кампанию и необходимость легитимации определённой коалиции ельчан – городских политиков, руководителей, предпринимателей и известных своими достижениями людей, примкнувших к ней либо привлечённых в неё для участия в выборах.

Электоральная кампания всегда предполагает привлечение огромного количества людей и ресурсов. Появляется большое количество

интерпретаций уже привычных явлений, а какие-то вещи заново актуализируются для новых прочтений. Электоральные кампании, несмотря на свою ориентированность на будущее, всегда связаны с прошлым, с уже существующим опытом, всякий раз капитализирующимся по-разному. Память нуждается в постоянном расширении и, как отмечает А. Ассман, при этом постоянно «испытывает дефицит пространства» [2, С. 176]. Вместе с тем расширение пространства памяти не происходит произвольно, без учёта существующих скреп и культурных традиций. Здесь представляется важной мысль Ю. Лотмана, отмечавшего способность культуры подразумевать «сохранение предшествующего опыта» [13, С. 10].

Вместе с тем представляется достаточно важным, кто именно будет задавать тон в новых интерпретациях и прочтениях и кому именно может быть выгоден тот или иной поворот в привычном понимании вещей. Как справедливо отмечает В. Богомяков, «за право контролировать дискурсы и каналы дискурсных коммуникаций между субъектами политики ведётся конкурентная борьба» [4, С. 33]. Борьба имеет, действительно, конкурентный характер, потому как невозможно раз и навсегда со стороны власти обеспечить сколько-нибудь однозначное прочтение конкретного события либо сформировать максимально выгодное для себя отношение к конкретному пространству. Французский эстетик Г. Башляр говорил о свойственной пространству «бесконечной игре диалектических взаимодействий фактов и значений, реальности и мечтаний, воспоминаний и легенд, планов и химер» [3, С. 91]. Пространство невозможно подчинить раз и навсегда какой-либо конкретной идее. С точки зрения рядового обывателя происходит некий самообман. Казалось бы, носителем идентичности может являться обыкновенный городской житель, но в то же время «интересы и смыслы всегда артикулируются элитами» [4, С. 33]. Не отвергая высокой вероятности манипуляции, изначально предполагающейся в мифе, следует обратить внимание и на немалую степень правды, содержащуюся в нём. Именно об этом говорит британский теоретик мифа К. Флад, когда отмечает, что «не стоит считать осознанное намерение манипулировать истиной единственной причиной искажения истины в политических текстах» [4, С. 33]. К. Флад считает, что «многие мифы возникли без всякой намеренной ориентации на обман» [4, С. 33]. Другое дело, что у кого-то оказались определённые ресурсы для авторитаризации этого мифа, для его под-

готовки к легитимации общественным сознанием. В принципе, что касается названия коалиции, вряд ли здесь есть необходимость сильно упрекать её идеологов и политических архитекторов.

В данном исследовании мы увидим, как конструируется концепт «Мы из Ельца» и как он может быть мифологизирован в городском политическом пространстве.

ИСТОРИЯ КОНЦЕПТА

Концепт «Мы из Ельца» обладает достаточной устойчивостью в сознании не только ельчан, но и жителей Липецкой области. Концепт отсылает к героическим событиям мая 1945 года – штурму Рейхстага – и символизирует Великую Победу. Надпись, выбитая на одной из колонн Рейхстага, видна в известной советской хронике с маршалом Г. Жуковым. Её автором является ельчанин Борис Сидельников. Историческая надпись, сделанная им от множественного числа, по сути дела, фиксирует коллективное участие в прошедшей войне всех ельчан. Именно так расшифровывается данный концепт в известной книге о Ельце, где есть место о «земляках, прошедших с боями по всем фронтовым дорогам» [6, С. 68].

Нужно понимать, что во время совершения графического акта на Рейхстаге личное «я» могло раствориться в коллективном «мы». В тот момент времени мы видим, как усиливается влияние на исторические, политические и культурные процессы человека, сличённого с массой, когда-то актуализированного В. Маяковским в стихотворной строчке о том, что «единица – ноль». Важность единицы для тоталитарных политий, сличённой и спаянной с массой, по-своему была отмечена целым рядом политических философов (Г. Лебон, Х. Ортега-и-Гассет и др.). Надпись Б. Сидельникова можно интерпретировать как некий наскальный рисунок, впоследствии вызывающий многочисленные повторения-копии, потому как настройке функционирования мифологических структур всегда предшествуют повторяющиеся ритуалы и практики. Действительно, надпись «Мы из Ельца» часто повторяется уже в современной реальности, будучи вырезанной из дерева либо выложенной камушками на морском побережье. Помимо исключительно демонстрационного эффекта указанной надписи, происходят и другие расширения поля его применения. В частности, как отмечает российский теоретик мифа А. Иванов, «мифы могут выходить за рамки обрядового источника и включать в себя исторические события и личности» [8, С. 33]. В случае с «Мы из Ельца» так и происходит, потому как

вслед за надписью на Рейхстаге, имеющей вполне конкретный временной и темпоральный контекст, происходит впитывание и подчинение и других имеющих отношение к Ельцу событий и героев.

Показательно, что вплоть до определённого времени авторство Б. Сидельникова не было актуализировано. Своеобразным подтверждением этого является аннотация бывшего первого секретаря горкома КПСС Н. Гриднева к набору открыток о Ельце, вышедшему в Москве в 1988 г. Тогда он упоминает о процарапанном солдатским штыком автографе на Рейхстаге: «Мы из Ельца» [7, С. 3].

Для публичного дискурса в большей степени было важным само историческое и культурное значение данной надписи. Своеобразным доказательством этого могут являться краеведческие издания о Ельце, в которых отсутствует упоминание о герое-земляке. Краеведческие разыскания только начала 1990-х гг. позволили выявить: за анонимным автором скрывался именно Б. Сидельников, сделавший надпись как можно выше «куском металла, валявшимся у ног». По свидетельству автора, в октябре 1945 г., будучи в Берлине, он нашёл собственную надпись, внизу которой были сделаны добавления из нескольких фамилий [16, С. 148]. Сегодня имя автора легендарной надписи зафиксировано в елецком топографическом ландшафте названием улицы в одном из новых городских районов.

Надпись стала концептуальной, будучи использованной в группе мемориального комплекса на площади Победы в г. Ельце.

Концепт «Мы из Ельца» начинает всё активнее присутствовать в дискурсивных практиках. Его развитие в общественном сознании и городском пространстве значительно интенсифицируется. Коммеморация данной надписи происходит вплоть до настоящего времени, приобретая разнообразные формы – от названия общественных организаций до принтов на футболках. Как уже отмечалось, сам концепт, выступая частью «мягкого» политического пространства, используется всеми и понимается всеми, кто, так или иначе, использует его в дискурсивных практиках. Какого-либо однозначного прочтения данного концепта не существует, тем более политического прочтения, конкретного ряда политических образов и персоналий. Как однажды верно отметил Д. Сартори, наполнение концептов «относится к разряду предположений» [15, С. 152].

Надпись «Мы из Ельца» становится предметом демонстрации – историческая важность её постоянно подчёркивается. Ельчане находятся в поле действия достаточно сильной мифологемы, которая, следуя

мысли Б. Андерсена, обеспечивает «впрыскивание идеологии», выступая очевидной скрепой культурной идентичности. Вообще, к таким скрепам исследователь относил карту, музей и перепись населения [1, С. 266–267]. Все эти составляющие присутствуют в пространстве коммеморации города.

Коммуникация с помощью данной цитаты сама по себе может отсылать к вполне конкретной героике. Об особенностях подобной коммуникации высказывался немецкий политический философ Н. Луман. Причём всё то, что возникает в её процессе, оказывается «недоступным для отрицания» [14, С. 86].

В 2007 г. было создано городское общественно-патриотическое движение «Мы из Ельца», в которое вошли известные в городе люди – представители правящего класса, учёные, деятели культуры и искусства. ЕГОПД «Мы из Ельца» не позиционировало себя в качестве какого-то оппозиционного движения. Скорее, его можно было назвать сателлитом власти. Со временем со сменой политических циклов в городе, когда существенно изменился персональный состав правящего класса, данное движение могло очень осторожно позиционироваться в качестве «мягкого» критика городской власти. При этом критика не приобретала форму какого-то явного противостояния городской власти. Многие члены и симпатизанты движения были интегрированы во власть (скажем, ректор ЕГУ В. Кузовлев, бывший ректор ЕГПИ Н. Борисова, режиссёр Р. Григорьева), что сдерживало их от прямого столкновения с действующей администрацией по ряду вопросов, связанных с городской политикой. В то же время в просветительских проектах, интервью и краеведческих роликах, посвящённых состоянию городской среды, можно было заметить аккуратное недовольство текущим положением дел. Со временем заметную роль в движении стали играть бывшие городские силовики, что обусловило уход группы в патриотическую и местами в милитаристскую повестку.

В настоящий момент существует две группы в социальной сети «ВКонтакте» с одинаковым названием «Мы из Ельца». Названия отличаются размером букв. Отличается и контент. Городская патриотическая повестка противостоит краеведческой, ностальгической, воспоминаниям о городской среде и известных ельчанах.

Весной – летом 2022 г. движение «Мы из Ельца» представляло собой коалицию городских политиков, руководителей и известных людей, созданную для легитимации в качестве кандидатов в депутаты городского совета на выборах 11 сентября 2022 г. Легитимация коалиции представляла собой целую технологию. В неё входила массивная

скрытая агитация – ролики на ТВ, репортажи и интервью в лояльных областных и городских медиа и подконтрольных им пабликах. Активное продвижение участников коалиции – кандидатов в депутаты происходило в сети «ВКонтакте». Лица коалиции, состав которой мог выглядеть довольно странно, смотрели на горожан в разных местах города с билбордов, а сами кандидаты как бы невзначай проводили различные награждения, участвовали в мероприятиях и занимались благотворительностью. Внимание региональной власти к судьбе коалиции подтверждается спецвыпуском «Лица Ельца», вышедшем в издательском доме «Липецкая газета» тиражом 35 000 экземпляров. Рассказы о потенциальных кандидатах в депутаты смешивались в журнале с историями известных ельчан, прославляющих город. Между тем при выдвижении в кандидаты в городские депутаты связь с движением никак не актуализируется. Наоборот, первичной оказывается партийная идентичность. Большинство участников коалиции связаны партийностью с «Единой Россией».

Непосредственно в период выборов местное телевидение запустило проект, последовательно рассказывающий об истории городских районов. Как бы невзначай практически в каждом выпуске можно было увидеть тех или иных участников коалиции, которые параллельно с признанием в любви к своему району, шли на выборы в городской совет.

Тем не менее концепт «Мы из Ельца» по полному праву стал оспариваемым – правящей партии не удалось его монополизировать в период избирательной кампании. Упоминание «Мы из Ельца» отметилось и в агитации кандидатов от КПРФ, выдвинутых по всем 25 округам, что, по сути дела, могло нивелировать инвестиции в символическое выдвижение группы единороссов. Упоминание «Мы из Ельца» стало присутствовать и в агитации кандидатов от ЛДПР.

В период избирательной кампании выяснилось, что авторство словосочетания «Мы из Ельца» может быть оспорено композитором и общественным деятелем Владимиром Фомичёвым, имеющим елецкое происхождение. В середине 1980-х гг. им был написан марш «Мы из Ельца». Указанный марш звучит в документальном фильме А. Хржановского «Полторы комнаты, или Сентиментальное путешествие на Родину» (2009), представляющем собой автобиографическую реконструкцию творчества И. Бродского.

ЕЛЕЦКИЕ КАНДИДАТЫ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Каждый миф с определённой долей раскалывает общество на тех, кто согласен с его сущностью, кто верит в него, и, наоборот, тех, кто

определяет его как фикцию. Концепт «Мы из Ельца» стал удобным нарративом, позволяющим скрыть ряд проблем, которые могли испытывать кандидаты в депутаты. Слишком громкий заголовок как будто оставлял за спинами кандидатов от коалиции всех остальных ельчан, которые так же могли быть связаны с елецкой идентичностью. Громкое название могло создавать ощущение присутствия в кризисной реальности, которой требовался герой, усилия которого могли бы изменить её в пользу города и его жителей. Примечательно, что практически все выдвинутые кандидаты от «Справедливой России» имели липецкую прописку, что позиционировало елецких единороссов в изначально выигрышной позиции.

Ниже мы рассмотрим, какие мифы могли воспроизводиться данной коалицией. Также мы попробуем поставить их под сомнение, доказав, что в подобных мифологических конструкциях существует достаточно сильная натяжка.

Миф 1. Все ли из Ельца? В сущности, словосочетание «Мы из Ельца» противопоставляется тем, кто не из Ельца. В момент употребления местоимения «мы» всегда срабатывает пара «они». «Мы» противопоставляются «им». Условно местные противопоставляют себя приезжим – варягам. Правда, подобная оппозиция будет верна лишь с достаточной долей условности. В приведённой ниже таблице можно увидеть, насколько оправдана елецкая идентичность в случае кандидатов от коалиции «Мы из Ельца». На наш взгляд, связь с городом конструируется в какой-то степени по месту рождения, месту прописки и месту получения образования. Именно данные критерии мы и постарались проанализировать. Из открытых источников, равно как и используя личные контакты и связи, мы попытались выяснить информацию о том, какая реально связь с городом существует у представителей данной коалиции.

Выяснилась следующая картина.

Таблица 1 – Отношение к Ельцу как к месту рождения кандидатов избирательного блока «Мы из Ельца». N=25

Table 1 – Attitude to Yelets as the place of birth of candidates of the electoral bloc "We are from Yelets". N=25

Отношение к городу (место рождения)	Количество / %
Из Ельца	15 / 60 %
Не из Ельца	10 / 40 %

Как мы можем увидеть, реальная связь с городом как местом рождения присутствует только у 60 % кандидатов, представляющих коалицию. В биографии остальных 40 % Елец появился на каком-то новом треке, будь то место получения образования, переезд, работа по распределению и т. д.

Таким образом, говорить о том, что участники коалиции в полной мере могут быть связаны городской идентичностью – фактом рождения в Ельце, не приходится. В мифе, сопутствующем конструированию движения «Мы из Ельца», появляется уязвимый момент.

Вместе с тем в мифологеме отношения к городу в текущий, ситуационный момент может быть выражен локальный патриотизм. Принципиальным оказывается момент текущей связи с Ельцом, кто поверил ему в конкретный момент времени. Кандидаты от коалиции противопоставлены тем, кто использовал город как трамплин и, возможно, как хранилище ностальгической памяти. При этом был сделан выбор в пользу более динамической жизни и карьеры в другом городе. Этому есть реальное объяснение. Население города постепенно сокращается. Елец остаётся на периферии логистических и транспортных маршрутов. Если ещё несколько лет назад из Ельца можно было добраться до Тулы, скажем, двумя-тремя рейсами в день, то сегодня их уже нет ни одного. Привлекательность города оставляет желать лучшего, хотя местная власть проявляет сильную заинтересованность в открытии города для потенциальных туристов, проводя активное благоустройство и оживление городских пространств.

Можно сделать вывод о том, что отношение к Ельцу участников коалиции во всех смыслах не представляется подавляющим. Елецкая городская идентичность является составной, сконструированной по ситуации. Исходя из текущих политических интересов, сделана привлекательная картинка для избирателя. В коалицию вошли максимально известные и популярные лидеры, по факту имеющие отношение к городу в данный момент.

Другим важным фактором ощущения себя ельчанином является место прописки. В большей степени уверенность в собственной идентичности может присутствовать у тех кандидатов, которые не двоятся по месту жительства в фактической и юридической прописке. Город может рассматриваться в качестве временного адреса, в то время как какая-то часть личного опыта связана с другим адресом – запасным аэродромом (либо наоборот). После просмотра биографий кандидатов, находящихся в публичном доступе, выяснилась следующая картина. Следует сказать, что елецкая идентичность в коалиции является в

большей степени акцентированной, что в итоге максимально приближает мифологему связи с Ельцом к реальности. При этом большинство из тех, кто не прописан в городе, живут в непосредственной близости к нему, на периферии элитных домовладений.

Таблица 2 – Отношение к Ельцу как к месту жительства. N=25
Table 2 – Attitude to Yelets as a place of residence. N=25

Отношение к городу (место прописки)	Количество / %
Из Ельца	20 / 80 %
Не из Ельца	5 / 20 %

Ещё одной важной составляющей мифа о связи с Ельцом может быть биографическая неразрывность с местом. Здесь мы уже видим определённый паритет. Подавляющее большинство кандидатов связаны образовательной биографией именно с Ельцом (ЕГПИ, ЕГУ им. И. А. Бунина, РосНОУ). В то же время можно увидеть, что некоторые кандидаты получали образование не в Ельце, и этому можно найти объяснение. В коалицию входили врачи, что сильно повышало сегмент медицинских вузов и, соответственно, других городов получения образования в биографических треках кандидатов в депутаты.

В целом у нас получилась такая картина

Таблица 3 – Отношение к Ельцу как месту получения образования. N= 25
Table 3 – Attitude to Yelets as a place of education. N = 25

Полученное образование	Количество / %
В Ельце	13 / 52 %
Не в Ельце	12 / 48 %

Как видно из полученных данных, соотношение здесь приблизительно равное. Подобный расклад в какой-то степени может говорить в пользу Ельца как пространства, в котором соединяются различные карьерные и биографические траектории.

Миф 2. Героизация коалиции?

Выбранное название для коалиции устанавливает вполне чёткую связь текущей политической и электоральной кампании с событиями

Второй мировой войны, с героизацией советских солдат и памяти ельчан, участвовавших в войне. Безусловно, происходит актуализация надписи на Рейхстаге, напоминающей о героической коллективной миссии ельчан, об их вкладе в общую победу. Так осуществляется новая попытка монополизации важного сюжета исторической памяти, с помощью которого коалицией предполагалось решить перманентные задачи по политической легитимации собственных кандидатов.

Отсюда не кажется случайным, что кандидаты коалиции участвуют практически во всех мероприятиях, посвященных памяти о войне, равно как и в патриотических ритуалах (автопробеги, праздники, фестивали, просветительские мероприятия, сбор гуманитарной помощи и т.д.). Дресс-код кандидатов от коалиции обязательно атрибутируется гвардейской ленточкой. Учитывая тот факт, что большинство членов коалиции являются руководителями тех или иных предприятий и организаций, им не составляет труда возглавить что-либо, равно как и позиционировать в фокусе внимания лояльных региональных и городских медиа. Городские медиа проинструктированы по поводу того, кто в первую очередь должен присутствовать в кадре.

Кандидаты от коалиции представляются в качестве героев. Вместе с тем они являются ещё и жителями Ельца, равными обыкновенным горожанам. Любые электоральные кампании сопрягаются с определённым переломом, когда происходит «символическая метаморфоза» героев и кажется, что никто, кроме него, не может повести людей за собой и спасти окружающий мир [20, С. 33]. Правда, сложно сказать, какому именно врагу противопоставлены их усилия. По крайней мере, никто из кандидатов ярко и развёрнуто по этому поводу не высказывается. Это повышает уровень абстрагирования героики членов коалиции на фоне ухудшающейся экономической конъюнктуры и замыкания избирателей в проблемы собственных домохозяйств.

Героические нарративы коалиции (её мужской половины) могут ставиться под сомнение частью елецкой общественности и в тот момент, когда патриотические декларации исходят от тех, кто никогда не имел отношение к ВС РФ. С точки зрения обывателя, апелляции политиков к патриотическому дискурсу могут быть оправданы в случае, если политики отдавали долг государству на срочной службе.

Концепт «Мы из Ельца» отражает консервативный дух – поколенческую память, сплетённую с героическим прошлым. Ещё французский социолог Г. Лебон отмечал, что большие общности склонны к «стойкому хранению консервативных идей» [11, С. 33]. Елец и ельчане во многом пребывают в консервативной рамке, что задаёт медленный

темп жизни и сложную адаптацию к любым изменениям. Городские фасады и улицы, остановки и общественный транспорт, общепит и сервис, вероятно, не успевают за общественным ускорением. В этом и прелесть самого города, закрывающегося от цивилизационных искушений и с трудом открывающегося модернизации. Нужно понимать, что городская идентичность не может рассматриваться исключительно в социокультурных и экономических рамках. В её составе очевиден и некий метафизический слой, подчёркивающий глубинные связи с местом, которые всегда консервативны.

Выбор в пользу концепта «Мы из Ельца» представляет собой ещё и акцент на консервативных рамках, на гордость собственной локализацией. Следует отметить, что подобный поворот в интерпретации концепта может быть удачным, потому как является проявлением локального патриотизма. На контрасте с собственным местом, своей «тихой родиной», со своей героической провинцией, представляются, возможно, более успешные места для реализации собственных карьерных устремлений.

Миф 3. Все ли мы равны?

Концепт «Мы из Ельца» ещё подчёркивает некое социальное равенство, на самом деле являющееся достаточно иллюзорным. В принципе, существующее в обществе отношение к депутатскому корпусу, обычно состоящему из совсем непростых людей, подтверждается и в отношении состава предвыборной коалиции «Мы из Ельца». Длительные наблюдения автора за конструированием законодательной ветви власти в муниципалитете позволяют сделать вывод о том, что с каждым электоральным циклом сохраняется достаточно высокое присутствие представителей директорского корпуса и других руководителей, доминирующих над выдвиженцами «снизу» и представителями неправящей партии [17, С. 55–60]. Данное доминирование имеет как статусный и экономический характер, так и обладает политическими основаниями, в силу которых близким к администрации кандидатам всегда дозволено несколько больше, нежели их оппонентам.

В сентябрьской кампании 2022 года, исходя из данных таблицы, практически три кандидата из четырёх, связанных с коалицией, на указанный момент времени являлись директорами или руководителями различных организаций, в том числе бюджетных, что делало их обладателями огромного в рамках провинции административного, социального и экономического ресурса, по сути дела, превращая их в за-

ведомых фаворитов кампании в своих округах. Легитимация кандидатов происходила на фоне сокращающихся шансов общества на реальную конкуренцию и повышение управляемости результатами избирательных кампаний, что существенно понижало шансы любой несанкционированной попытки вклиниться в итоговый расклад мест в городском парламенте. Многие городские активисты могли счесть участие в выборах изначально бесперспективным делом, что способно понизить градус критики и привлекательности самой кампании в глазах горожан. Нужно отметить, что электоральный драйв в Ельце неизбежно понижается с каждой новой электоральной кампанией, что является отражением федеральных трендов. К сожалению, приходится констатировать, что избирательные кампании перестают быть конкурентными. Правда, тем не менее, может сохраняться определённая конкуренция в самом процессе выдвижения, когда оказывается, что какие-то относительно известные и ценные кадры политических партий вдруг неожиданно оказываются своеобразными маргиналами либо быстро интегрируются в списки малых партий, допущенных к участию в городских выборах.

Таблица 4 – Соотношение директоров и руководителей к специалистам в коалиции «Мы из Ельца». N = 25

Table 4 – The ratio of directors and managers to specialists in the coalition "We are from Yelets". N = 25

Директора/руководители/ индивидуальные предприниматели	19	76 %
Другие	6	24 %

Выдвижение кандидата – директора или руководителя, в принципе, не является каким-то откровением в городских кампаниях. С другой стороны, может быть ощущение, что у общества становится всё меньше аргументов поддерживать кандидатов от власти ввиду существенного сокращения экономических свобод. Какие аргументы могут быть в пользу поддержки конкретного директора или руководителя помимо тривиальных страхов наёмного работника? Подобные вопросы не имеют однозначных ответов, всё больше запутывая мотивацию избирателей. Исходя из этого, участие кандидатов от коалиции в выборах под привлекательной и патриотичной вывеской, позволяет на какой-то момент элиминировать существующие различия.

НОВЫЕ ФОРМЫ ЛЕГИТИМАЦИИ

Несмотря на обыденность процедуры выборов, интерес к которым постепенно падает, в нынешней кампании могли отмечаться попытки подогреть интерес к кампании. Интересанты выдвижения коалиции, безусловно, искали какие-то новые формы легитимации, что побудило их применить какую-то фантазию. Завлечь избирателей в выборные процедуры предполагалось с помощью игры. Вообще, нужно отметить, что в самом обращении к игре, в шутовском, комическом и соревновательном плане, всегда может скрываться важный потенциал для легитимации. Перед сентябрьскими выборами 2022 г. была широко анонсирована настольная игра «Мы из Ельца», безусловно, привязывающая ассоциациями городской текст и «Единую Россию». Игра – занимательный рассказ о городе, его героях и достопримечательностях, развёрнутая в широком историческом контексте. Перед выборами проходили показательные игры-соревнования, в которых принимали активное участие городские политики и участники коалиции. Участие в игре, недоступной для широкой аудитории, могло осуществляться через уже существующие властные институты, с присутствующими в них правилами, смыслами и иерархиями.

Накануне непосредственного голосования был проведён праздник «День молодого избирателя» с дискотекой. Случайно или неслучайно даты голосования совпали с 38-м фестивалем народного творчества им. А. Матюхина. Было заметно, что власть стремилась создать у избирателей соответствующее настроение, что подтверждает проведение небольших концертов практически во всех округах в непосредственный день выборов. Прямо или косвенно, на наш взгляд, это могло способствовать легитимации кандидатов от коалиции.

«Чем вновь создаваемый городской текст более отдалён во времени от текста-источника, тем в нём ярче проступает игровой характер обращения с прототекстом, снимающий авторитетность последнего», – справедливо отмечает И. Фатеева [18, С. 14].

Следует также понимать, что зависимость власти и общества от игровой компоненты со временем только увеличивается из-за всё более опосредованного характера самой политики, её постепенной виртуализации. Акцент на зрелищной составляющей политики всегда был довольно высоким. Некоторые авторы приписывают это особенностям политической культуры россиян, представляя себе «массу политических субъектов, сидящую у телевизоров, равнодушную к политике и покорно манипулируемую современными технологиями воздействия» [20, С. 31].

На наш взгляд, в качестве новой формы легитимации можно отметить попытку позиционировать город в качестве отдельного локуса, имеющего свою историю, память, смыслы. В городе есть определённая уникальность, свои правила и локальные герои. Неслучайно в городской совет баллотировалось достаточно много известных врачей, как будто бы по инерции с особенным вниманием к представителям медицинской профессии в дискурсе COVID-19. В коалиции «Мы из Ельца» практически каждый четвёртый выдвигенец имел высшее медицинское образование. Действительно, в настоящий момент личное знакомство с врачом, возможность лично донести ему какую-либо просьбу имели большое значение в нынешней избирательной кампании. Нужно отметить, что и сами врачи не отставали, отмечаясь в рутинной, «черновой» работе по благоустройству, в ручном режиме исполняя наказания избирателей.

Город – это не только следы другого города, указание на него, попытка найти эстетическую близость в «способах, формах и сферах освоения мира» [5, С. 343]. В период избирательной кампании производство городской идентичности, всяческая демонстрация её входит в определённую моду. Стандартизируется и рефлексия – становится понятно, как следует переживать и сострадать, радоваться и волноваться. Складывается ситуация, уже некогда отмечаемая исследователями, когда «масса выражает восторг или возмущение там, где в сущности не происходит ничего решающего» [11, С. 562].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты выборов показали, что связь с концептом «Мы из Ельца» не стала решающей для избирателей. Гораздо большую роль играли не смысловые акценты кампании, а личности самих кандидатов, их бюджеты, лояльность власти и возможность аккумулировать в своих округах большие административные, социальные и экономические ресурсы, показательно, «на камеру» решив какие-то текущие проблемы. Тем не менее кандидаты от коалиции пытались и действовать в рамках сконструированного ими самими локального мифа о преданности Ельцу, об особой атмосфере провинции, о героических характерах, внёсших значительный вклад в летопись российской государственности. Элиты как бы участвовали в мифотворческой деятельности, мотивируя потенциальных избирателей к легитимации коалиции, что в принципе вписывается в логику политической деятельности самой элиты [9].

В городской совет было избрано 20 участников коалиции, причём некоторые из избранных кандидатов прошли в городской совет с минимальным перевесом. Использование данного концепта другими партиями, по сути дела, нивелировало данный концепт, превратив его в красивую, патриотическую виньетку. Политизация городского мифа со стороны власти не привела к захвату самого концепта, который продолжает оставаться оспариваемым вплоть до настоящего времени. Создание городского мифа, которым как раз и выступает история «Мы из Ельца», и его активная раскрутка со стороны власти ещё не означает, что в смысловом поле городской общественности будет полное понимание его инструментализации. Именно в такой момент миф мог бы быть верно понятым, став руководством к конкретному действию.

Библиография/References:

1. Андерсен Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М.: Кучково поле, 2016. — 416 с.
2. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. — М.: Новое литературное обозрение, 2016. — 323 с.
3. Башляр Г. Избранное. Поэтика грёзы. — М.: РОССПЭН, 2009. — 440 с.
4. Богомяков В. Региональная идентичность «земли тюменской»: мифы и дискурс. — Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2007. — 147 с.
5. Боров Ю. Эстетика. — М.: Издательство политической литературы, 1975. — 399 с.
6. Елец. — Воронеж: Центрально-Чернозёмное издательство, 1978. — 231 с.
7. Елец. Комплект открыток. — М.: Правда, 1988.
8. Иванов А. Г. Мифо-ритуальные практики: культурный феномен, элемент традиционного и основа современного мифологического сознания // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2009. — № 87. — С. 7—18.
9. Иванов А. Г. Система современной социальной мифологии. — СПб.: Алетейя, 2019. — 325 с.
10. Исаев И. А. *Politica hermetica*: скрытые аспекты власти. — М.: Юристъ, 2003. — 575 с.
11. Лебон Г. Психология народов и масс. — Челябинск: Социум, 2010. — 379 с.
12. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. — М.: Политиздат, 1991. — 525 с.

- 13.Лотман Ю. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начала XIX века). — СПб.: Азбука, 2017. — 608 с.
- 14.Луман Н. Власть. — М.: Праксис, 2001. — 256 с.
- 15.Сартори Д. Искажение концептов в сравнительной политологии (II) // Полис. Политические исследования. — 2003. — № 4. — С. 152—161.
- 16.Скарედнов Г. П. Мы из Ельца // Елецкая быль. Выпуск 3. — Липецк: Ориус, 1994. — 175 с.
- 17.Скиперских А. В. Механизм политического текста в легитимации власти // Власть. — 2007. — № 10. — С. 55—60.
- 18.Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности. — М.: КомКнига, 2006. — 280 с.
- 19.Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование. — М.: Прогресс-Традиция, 2004. — 264 с.
- 20.Щербинина Н.Г. Герой и антигерой в политике России. — М.: Весь мир, 2002. — 116 с.

1. Andersen, B. (2016) Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokah i rasprostranenii nacionalizma. [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. M.: Kuchkovo pole. – 416 p. (In Russ.)
2. Assman, A. (2016) Novoe nedovol'stvo memorial'noj kul'turoj [New dissatisfaction with memorial culture]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. – 232 p. (In Russ.)
3. Bashlyar, G. (2009) Izbrannoe. Poetika gryozy [Selected works. The poetics of dreams]. M.: ROSSPEN. – 440 p. (In Russ.)
4. Bogomyakov, V. (2007) Regional'naya identichnost' «zemli tyumenskoj»: mify i diskurs [Regional identity of the "Tyumen Land": myths and discourse]. Ekaterinburg: Diskurs-Pi. – 147 p. (In Russ.)
5. Borev, YU. (1975) Estetika. [Aesthetics]. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. 399 p. (In Russ.)
6. Elec (1978) [Yelets]. Voronezh: Central'no-CHernozyomnoe izdatel'stvo. – 231 p. (In Russ.)
7. Elec Komplekt otkrytok. (1989) [Yelets. Set of postcards]. M.: Pravda. (In Russ.)
8. Ivanov, A. G. (2009) Mifo-ritual'nye praktiki: kul'turnyj fenomen, element tradicionnogo i osnova sovremennogo mifologicheskogo soznaniya [Mythoritual practices: the cultural phenomenon, the element of tradition and the foundation of contemporary mythological consciosness] // Izvestiya

Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences]. – № 87. P. 7—18. (In Russ.)

9. Ivanov A. G. (2019) Sistema sovremennoj social'noj mifologii. [The system of modern social mythology]. SPb.: Aletejya. – 325 p. (In Russ.)

10. Isaev, I. A. (2003) Politika hermetica: skrytye aspekty vlasti [Politica hermetica. S Hidden aspects of power]. M.: YUrist. – 575 p. (In Russ.)

11. Lebon, G. (2010) Psihologiya narodov i mass [Psychology of peoples and masses]. CHelyabinsk: Socium. – 379 p. (In Russ.)

12. Losev, A. F. (1991) Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura [Philosophy. Mythology. Culture]. M.: Politizdat. – 525 p. (In Russ.)

13. Lotman, Ju. (2017) Besedy o russkoj kul'ture. Byt i tradicii russkogo dvorjanstva (XVIII – nachalo XIX veka) [Conversations about Russian culture. Life and traditions of the Russian nobility (XVIII - beginning of the XIX century)]. SPb.: Azbuka. – 608 p. (In Russ.)

14. Luman, N. (2001) Vlast' [Power]. M.: Praxis. – 256 p. (In Russ.)

15. Sartori, D. (2003) Iskazhenie konceptov v sravnitel'noj politologii (II) [Distortion of concepts in comparative Political Science] // Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Politicheskie issledovaniya]. № 4. P. 152—161. (In Russ.)

16. Skarednov, G. P. (1994) My iz El'ca Vypusk 3 [We are from Yelets] // Eleckaya byl' [Yeletskaya byl]. Lipeck: Orius. 175 p. (In Russ.)

17. Skiperskih, A. V. (2007) Mekhanizm politicheskogo teksta v legitimacii vlasti [The mechanism of the political text in the legitimation of power] // Vlast' [Power]. № 10. P. 55—60. (In Russ.)

18. Fateeva, N. A. (2006) Intertekst v mire tekstov: kontrapunkt intertekstual'nosti [Intertext in the World of texts: the counterpoint of Intertextuality]. M.: KomKniga. – 280 p. (In Russ.)

19. Flad K. (2004) Politicheskij mif. Teoreticheskoe issledovanie [Political myth. Theoretical research]. M.: Progress-Tradiciya. – 264 p. (In Russ.)

20. SHCHerbinina, N.G. (2002) Geroj i antigeroy v politike Rossii [Hero and Anti-hero in Russian Politics]. M. Ves' mir. – 116 p. (In Russ.)